ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ О ТРУДЕ – ОБОРОНЕ СТРАНЫ (30-40-е ГОДЫ)

Климов Е.А., Носкова О.Г.

Впервые опубликовано в журнале «Вестник московского университета». Серия 14. Психология, 1985, № 2, с. 3-8

Специфика социального статуса психологии труда к началу войны была такова, что специалисты в этой области не представляли собой единой общности и должны были в основном без каких-либо конкретных указаний, извне реализовать свое профессиональное призвание, находить сферу приложения своей компетентности, чтобы служить обороне в роли именно психологов.

Можно выделить по крайней мере две группы задач, для решения, которых оказалось возможным использовать и далее развить научно-психологические знания о труде и трудящемся, накопленные еще в. предвоенные годы.

Во-первых, это задачи повышения эффективности воинского труда (совершенствование маскировки и деятельности наблюдателей и разведчиков на основе закономерностей зрительного и слухового восприятия, повышение морально-волевой и военно-технической подготовки бойцов и командиров, рационализация военной техники и т. д.).

Во-вторых, повышение трудового потенциала страны путем преодоления неизбежных последствий военных действий (восстановление нарушенных функций у раненых с учетом знаний о личности, о закономерностях психической регуляции и формирования предметных трудовых действий; профессиональное консультирование; помощь в трудовом обучении их и трудоустройстве; помощь при адаптации к труду).

В связи с первой группой задач необходимо упомянуть следующие работы: цикл исследований, проведенных в 20-х годах в Высшей школе военной маскировки под руководством Б.М. Теплова и опубликованных в журнале «Война и техника», а именно его статьи «Психология как основа для маскировочной техники» (1926); «Белый халат» (1927); «Исследование защитных свойств фона, условий погоды и освещения» (1927); «Видимость и познаваемость пехотных групп при различных построениях их» (1927); «Задачи и методы работы в области изыскания защитных цветов» (1928); монографии К.Х. Кекчеева «Ночное зрение (как лучше видеть в темноте)» (М., 1942) и «Психофизиология маскировки и разведки» (М., 1942). Наряду с фундаментальными исследованиями закономерностей восприятия Кекчеев разработал для разведчиков в пехоте и коннице, для наблюдателей в артиллерии и военно-морском флоте, а также для пилотов ночных истребителей специальные «памятки» (они вооружали соответствующих специалистов психологическими средствами повышения чувствительности ночного зрения) и лекарственные препараты, ускорявшие процесс темновой адаптации глаза. Кекчеев предложил также приемы тренировки ряда перцептивных функций (зрительных, слуховых, «осязательно-двигательных»).

Чтобы решить эти задачи, Кекчеев, в частности, опирался на своего рода профессиографический анализ деятельности военных специалистов, выполненный им на материале газетных хроник. Он творчески использовал идеи И. М. Сеченова о роли чувствований в действиях человека, о взаимодействии органов чувств, а также концепцию Л.А. Орбели об адаптационно-трофическом *влиянии* симпатической нервной системы на функционирование систем организма. Предметом исследовательских и практических работ К. Х. Кекчеева были отнюдь не бессубъектные перцептивные акты, но процессы восприятия в роли трудовых действий, во многом определяющих эффективность деятельности бойцов и командиров, в целом их боеспособность. Поэтому вся его работа строилась на базе комплексного подхода, характерного для отечественных традиций психофизиологического изучения работоспособности человека.

Экспериментальные исследования, выполненные в годы войны в Институте психологии

МГУ под руководством Кекчеева (а именно работы А.В. Кравкова, Е.Н. Семеновской, О.А. Добряковой, Л.А. Шварц, А.А. Дубинской, В.К. Шеварeвой) и послужившие обоснованием ряда практических рекомендаций, были опубликованы в 1947 г. в восьмом выпуске «Известий АПН РСФСР».

Значению личностных, морально-волевых качеств бойцов и командиров были посвящены публикации К.Н. Корнилова «Воспитание моральных качеств» (Красная звезда, 1941); Н.Д. Левитова «Воля и характер бойца» (Военный вестник, 1944); Н.А. Коновалова «Роль эмоций в боевом действии» (Военный вестник, 1944); М.П. Феофанова «Воспитание смелости и мужества» (Советская педагогика, 1941); работы грузинских психологов (З.И. Ходжава «Психологические основы боевой деятельности», Л.Н. Мосиава «Стойкость бойца и психологические основы ее воспитания», Д.И. Рамишвили «Психологическая сущность героического поступка и типологии героев»), помещенные в сборнике «Психология», т. 2, под редакцией Д.Н. Узнадзе (Тбилиси, 1943). Назовем также монографии Р.Г. Натадзе «Воля как фактор боевой деятельности» (Тбилиси, 1942); Л.Н. Мосиавы «Психология дисциплины бойца» (Тбилиси, 1941); кандидатские диссертации Г.А. Фортунатова «Страх и его преодоление» (М., 1942) и А.К. Перова «Психология смелости и страха в связи с проблемой характера» (М., 1945). К этому циклу работ относится и исследование Б.М. Теплова «Ум и воля военачальника» (Военная мысль, 1943), опубликованное позднее в полном объеме в «Ученых записках МГУ» (М., 1945, вып. 90) под названием «К вопросу о практическом мышлении (опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам)».

Следует отметить, что, будучи вызванными к жизни насущной практической необходимостью, многие из этих исследований составили существенный вклад и в теорию психологии. Так, работа Б.М. Теплова «Ум и воля военачальника», вызвавшая несомненный интерес военных специалистов, одновременно положила начало и оригинальной разработке психологической проблемы практического мышления.

Совершенствование методов подготовки военных специалистов, в частности летчиков, проводилось на основе достижений психологической теории упражнения, наиболее плодотворно разрабатывавшейся в предвоенные годы С.Г. Геллер штейном. Некоторые итоги его работ в этой области были представлены в докладе на 9-м Международном психологическом конгрессе в Нью-Хейвене (США, 1929 г.) «Проблема тренировки интеллектуальных функций» и в статье «Проблема переноса упражнения» (Бюллетень ВИЭМ, 1936, № 6). Под руководством С.Г. Геллерштейна в 30-е годы был выполнен ряд практических работ по формированию профессионально важных качеств различных специалистов (сталеваров, аппаратчиков химического производства, прядильщиков льна и т. д.). Эти же идеи он использовал, занимаясь созданием методов тренировки функций глубинного глазомера, координации движений, объема внимания и т. д. у военных летчиков (см.: К истории отечественной авиационной психологии. Документы и материалы. Под редакцией К.К. Платонова. М., 1981, с. 229, 220). Ему удалось разработать эффективную методику по изучению двигательных реакций парашютистов в процессе прыжков и использовать результаты в отборе и обучении (там же, с. 221).

Усовершенствованием обучения военных летчиков в предвоенные и военные годы занимались также Н.М. Добротворский, К.К. Платонов, Л.М. Шварц, С.И. Субботник, Э.Л. Лапан, В.В. Чебышева, Е.В. Гурьянов и др. Опыт работы психологов в военной авиации представлен в книге К.К. Платонова и Л.М. Шварца «Очерки психологии для летчиков» (М., 1948).

В 1958 г. в «Известиях АПН РСФСР», вып. 91, были опубликованы работы военных лет, проводившиеся в лаборатории навыков Института психологии МГУ под руководством Л.М. Шварца и Е.В. Гурьянова. Многие из этих исследований не потеряли своего значения до сих пор, в частности работы В. В. Чебышевой «Выработка навыка реагирования на быстродвижущиеся объекты» и «Совмещение действий при обучении сложному двигательному навыку».

В 20-30-е годы много внимания уделялось исследованию роли психофизиологических и личностных факторов в эффективности труда летчиков, в обеспечении безопасности полетов.

Эти вопросы рассматривались, в числе других, в книге Я.Ф. Самтера «Теория и практика врачебно-летной экспертизы в ГВФ» (М., 1944). В 30-е годы в военной авиации уделялось большое внимание отбору и распределению летчиков по родам войск ВВС (К истории отечественной авиационной психологии. Документы и материалы. М., 1981,.с. 180, 197, 206, 228 и др.). Итогом этих работ было выделение личностных качеств, определяющих успешность летного обучения и труда.

В области совершенствования военной техники на основе данных психофизиологии труда первой фундаментальной работой была книга Н.М. Добротворского «Летный труд» (М., 1930), представлявшая собой конспект лекций для слушателей Военно-воздушной академии. Добротворский дает образцы оценки кабин военных самолетов разных типов с точки зрения человеческого фактора. Оценка ведется комплексно: обсуждаются вопросы компоновки кабин, расположения приборов, гигиенических условий труда летчиков, выдвигается требование стандартизации летного оборудования как важного условия, облегчающего переучивание пилотов при освоении новых машин. Н.В. Зимкин и Н.А. Эппле в середине 30-х годов провели экспериментальные исследования по оценке авиаприборов (Н.А. Эппле. Опыт рационализации стрелок и циферблатов аэронавигационных приборов. – Гражданская авиация, 1935, № 8; П.В. Зимкин. Психофизиологическая оценка шкал на циферблатах авиаприборов. — В кн.: Труды Центральной лаборатории авиамедицины ГВФ, т. 2. М., 1937). В июне 1941 г. К.К. Платонов провел экспертную оценку кабины бомбардировщика Пе-2. Его предложения о введении для пилотирования самолета вслепую тумблеров и рычагов управления различной конфигурации были внедрены в практику (К истории отечественной авиационной психологии. Документы и материалы. М., 1981, с. 270). Следует отметить, что эти исследования опирались и на опыт рационализации орудий и средств труда в сугубо гражданских профессиях.

В связи со второй группой задач необходимо упомянуть работы А.Ф. Вербова «Лечение работой» (Л., 1930), С.Г. Геллерштейна «Восстановление трудоспособности, трудотерапия и трудоустройство в системе работы эвакогоспиталей» (Миасс, 1942), Восстановительная трудовая терапия в системе работы эвакогоспиталей: (Челябинск, 1943) «Трудовая терапия в эвакогоспиталях. Инструктивные материалы» (М., 1944), А.В. Запорожца, С.Я. Рубинштейна «Методика восстановительной трудовой терапии при ранении верхних конечностей» (М., 1942), А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца «Восстановление движения. Исследование восстановления функций руки после ранения» (М., 1945).

В 1947 г. в 111-м выпуске «Ученых записок МГУ» были опубликованы материалы конференции, посвященной опыту военных лет в области восстановления психофизиологических функций раненых, которая., проводилась в Москве в 1945 г. Травмы верхних и нижних конечностей в годы войны составляли около 85% ранений. Восстановлением движений в те годы занимались также В.М. Коган, Ю.В. Котелова, Л.И. Селецкая, В.С. Мерлин, П.Я. Гальперин, Т.О. Гиневская, Я.З. Неверович и др. Этой теме была посвящена диссертационная работа Ю.В. Котеловой «Закономерности восстановления двигательных, функций верхних конечностей в процессе трудовой терапии. Из опыта Великой Отечественной войны» (работа была подготовлена в 1948 и защищена в 1950 г.).

Особенность работ этого цикла состояла в том, что на службу восстановительной терапии сразу же были поставлены психологические' знания о трудовых действиях. Особенно следует отметить систему трудовой восстановительной терапии С.Г. Геллерштейна, которая опиралась на положения о специфической ценности именно трудовых движений в восстановлении нарушенных двигательных функций раненых (по сравнению с механотерапией и лечебной физкультурой). Вот некоторые из них (цит. по: Восстановительная трудовая терапия в системе работы эвакогоспиталей): «Самой существенной особенностью трудовых движений является их предметно-целевой характер... Цель трудовой операции лежит вовне, и рабочий орган призван мобилизовать все богатство своих двигательных и «чувствующих» возможностей для наилучшего достижения поставленной цели» (с. 47). Направленностью внимания больного на внешнюю предметную цель Геллерштейн объяснял феномен постепенного исчезновения болей в раненой работающей руке. И далее: «...Основным определяющим фактором в развитии

трудового- движения и его стимулирующей силы является фактор *потребности.* Цель мобилизует средства (с. 49)... Трудовая терапия в широком понимании покоится на принципе воздействия труда на человеческую природу, столь блестяще раскрытом в ряде сочинений Маркса (главным: образом в главе о труде в первом томе «Капитала») ...Если справедливо, что труд создал человека, то с не меньшим основанием можно утверждать, что труд призван и восстановить человека, возвратить ему возможность заново овладеть функциями, временно утраченными вследствие тех или иных травм» (с. 51).

Знание психологической сущности труда, трудовых движений и восстановительной ценности различных рабочих операций (столярных, слесарных и т. п.), а также характера дефекта и личностных установок раненого позволило Геллерштейну управлять процессом восстановления и компенсации нарушенных двигательных функций.

В свернутом виде замысел использования трудовых движений в качестве средства восстановления нарушенных двигательных функций верхних конечностей Геллерштейн выразил так: «Умея правильно подбирать и видоизменять трудовые задания и воздействовать на инструмент, на изделие, на «рабочее пространство», мы научаемся управлять трудовыми движениями, вызывать к жизни одни, заглушать другие и направлять по-своему ход восстановления движения» (с. 51). Опыт использования построенной Геллерштейном методики восстановительной трудотерапии показал достаточно высокую ее эффективность: положительный результат был в 80% случаев (с. 153).

Работа по профессиональной консультации инвалидов войны, их трудовому обучению и приспособлению к труду опиралась на психологические знания о труде и типах труда, о личности, накопленные еще в 30-е годы.

Примерами работ в этой области могут быть: доклад А.И. Колодной «О профессиональной консультации инвалидов труда» на 1-м съезде Всесоюзного психотехнического общества в 1931 г.; книга Г.Н. Роганова «Организация труда слепых и их обучение работе на металлорежущих станках» (М., 1946); работы сотрудников Центрального института труда НКСО РСФСР, опубликованные в книге «Проблемы трудового устройства инвалидов» (М., 1933). В этом сборнике содержатся, в частности, статья К.И. Барышникова «Профессиография в применении к инвалидам»; работа К.С. Седлецкого и С.Ф. Спасской «К вопросу об особенностях и постановке профессионального учебно-производственного обучения инвалидов»; К.Х. Кекчеева, Л.А. Клочкова и др. «Колебания работоспособности слепых рабочих на заводе электромоторов «ЭМОС»» и др.

Примерами такого рода исследований по отношению к инвалидам Отечественной войны могут служить: книга В.М. Когана, Э.А. Коробковой, Д.А. Полещука и Л.И. Селецкой «Показания к трудоустройству инвалидов Отечественной войны. Дефекты конечностей» (Горький, 1942) и указанные выше книги С.Г. Геллерштейна (1942, 1943).

Конечная цель всех этих мероприятий состояла в создании условий для полноценной трудовой деятельности людей, потерявших здоровье в боях за Родину. Эту задачу удавалось решить при соотнесении знаний о характере дефекта, сохранных возможностях трудоспособности, возможностях компенсации утраченных функций в труде и о личностных особенностях консультируемого (его профессиональном опыте, уровне квалификации, общем развитии, интересах, отношении к труду в целом и к себе как гражданину общества).

Успех адаптации инвалида к труду во многом зависел от способа обучения его новой профессии, а также от приспособления самого труда (орудий труда, рабочего места, режима труда и отдыха) к особенностям дефекта трудоспособности. Приспособление профессии к человеку осуществлялось, таким образом, индивидуально. А это было возможно только при условии учета научных знаний о зависимости работоспособности человека от внешних и внутренних факторов трудовой деятельности. В этом отношении поучителен опыт, описанный в книге В.М. Когана и Э.А. Коробковой «Трудовое устройство инвалидов Отечественной войны в предприятиях связи» (М., 1947).

Одна из особенностей психологических знаний о труде и трудящемся в рассматриваемый период состояла в том, что они порождались и функционировали в связи с объективной практической необходимостью, в контексте разных систем научного знания (не только чисто психологического) и часто имели междисциплинарный, комплексный характер. Собственно, психологии труда как четко очерченной, концептуально ограниченной отрасли психологии в этот период просто не было. Но поскольку необходимость в психологическом обслуживании практики объективно существовала, соответствующие знания не могли не возникать и не развиваться. Это обстоятельство обусловило и их практическую действенность.

Как показал исторический опыт, эти знания способствовали социальному утверждению и дальнейшему развитию всей советской психологии, составив существенный вклад и в ее концептуальный строй.

Поступила в редакцию 10.01.85